

A romantic close-up photograph of a man and a woman. The woman, on the left, has long, wavy, light brown hair and is wearing a white shirt. Her eyes are closed, and she has a soft smile. The man, on the right, has dark hair and a beard, and is also wearing a white shirt. He is leaning in towards the woman, and his eyes are also closed. The background is a plain, light color.

#1 NEW YORK TIMES – BESTSELLING AUTHOR

**САНДРА
БРАУН**

БУРЯ В ЭДЕМЕ

Сандра Браун
Буря в Эдеме

«ЭКСМО»

1983

Браун С.

Буря в Эдеме / С. Браун — «Эксмо», 1983

ISBN 978-5-699-66929-5

Шей Морисон – известная натурщица, она позирует обнаженной перед лучшими художниками и фотографами. Ян Дуглас – красивый священник-пуританин, чьи убеждения полностью противоречат образу жизни Шей. По воле случая в небольшом лесном коттедже молодые люди проведут вместе выходные, и это породит множество курьезных ситуаций. Но по-настоящему Шей удивится, когда спустя пару месяцев встретит Яна на пороге своей галереи. Он сделает Шей удивительное предложение...

ISBN 978-5-699-66929-5

© Браун С., 1983

© Эксмо, 1983

Содержание

1	6
2	18
3	30
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Сандра Браун Буря в Эдеме

Sandra Brown
TEMPEST IN EDEN

Copyright © 1983 by Sandra Brown. By arrangement with Maria Carvainis Agency, Inc. and Prava i Perevodi, Ltd. Translated from the English Tempest in eden. First publisher in the United States by Berkly/Jove, New York

© Заболотный В., перевод на русский язык, 2013

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2013

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

1

– И это она называет «лесная хижина»? – пробормотала про себя Шей Морисон, остановив свой маленький автомобиль перед двухэтажным домом. Здание, облицованное грубоотесанным камнем, стояло на небольшом возвышении и совершенно не напоминало развалюху.

Шей вышла из машины и окинула оценивающим взглядом прилегающую к дому местность. Лесистый ландшафт был необыкновенно красив, только что появившаяся девственная зелень поражала воображение. По крайней мере в этом ее мать не допустила обычных для себя преувеличений.

Шей улыбнулась, вспомнив последний разговор с матерью два дня назад.

– Шей, – сказала та, – ты должна обязательно приехать сюда. Он просто умирает от нетерпения познакомиться с тобой.

– А я умираю от нетерпения увидеть человека, который так поспешно потащил тебя к алтарю, – шутливо ответила она матери.

Ей не сообщали о том, что ее мать выходит замуж, до тех пор, пока оформление брака не стало свершившимся фактом. Шей при каждом удобном случае пилила свою мать за то, что она пошла на столь серьезный шаг с какой-то легкомысленной поспешностью, непростительной для женщины, которая была вдовой уже семь лет.

– К чему такая спешка? – спрашивала Шей. – Может, ты беременна?

В ответ она услышала до боли знакомый тяжелый вздох матери.

– Как тебе не стыдно, Шей. Когда ты научишься разговаривать, как настоящая леди?

– Вероятно, тогда, когда перестану получать огромное удовольствие от того, что не являюсь настоящей леди. – Она весело рассмеялась.

– Я понимаю, что должна была заранее сообщить тебе о предстоящей свадьбе, но... ну понимаешь, все произошло так быстро. Мы сидели в доме сына Джона, пили кофе, болтали, а через несколько минут уже произносили слова брачной клятвы. – Ее мать тихо вздохнула, вспоминая тот миг. – Мы быстро приняли решение и сразу же привели его в исполнение. Это было так романтично.

– Не сомневаюсь в этом, – с легкой иронией сказала Шей, – и очень рада за тебя. – Последние слова Шей были вполне искренними.

– Ты приедешь к нам на этот уик-энд, не так ли? Джон очень хочет познакомиться с тобой.

Шей нервно теребила телефонный провод, не зная, что ответить матери. Нельзя сказать, что она была против того, чтобы ее мать еще раз вышла замуж. Отнюдь. Селия Морисон и так слишком долго прожила в одиночестве. Смерть отца Шей была для нее тяжелым ударом, ведь они прожили двадцать семь лет и считали свой брак исключительно счастливым и удачным. Джон Дуглас был отошедшим от дел бизнесменом, если верить тому, что о нем говорили Шей, это был интересный, веселый, красивый мужчина, безумно влюбленный в ее мать. Разумеется, она имела право на такое решение.

– Я не знаю, мама. У вас ведь медовый месяц и...

– Не смей меня, – прервала ее мать. – Мы действительно хотим, чтобы ты провела с нами этот уик-энд, иначе мы не приглашали бы тебя так настойчиво. Пожалуйста, приезжай, Шей. Это очень важно для меня, я так хочу укрепить нашу новую семью.

Шей не очень хотелось проводить свой уик-энд в какой-то лесной хижине. Это совершенно не соответствовало ее привычному образу жизни, но она пришла к выводу, что должна решиться на поездку ради матери. Возможно, это будет не очень весело, подумала она, но зато очень полезно. В конце концов она имеет право немного отдохнуть в сельской глуши.

– Где и когда? – спросила она мать.

– О, как это чудесно! – воскликнула от радости Селия, не скрывая своего восторга по поводу того, что ей все-таки удалось уговорить дочь. Она подробно объяснила Шей, как проехать к этой хижине, находящейся неподалеку от местечка Кент-Фолс в западной части штата Коннектикут. Шей настояла на том, что приедет на своей машине, объясняя это тем, что не любит трястись в пригородных поездах. Но на самом деле она не хотела связывать себя расписанием движения поездов на тот случай, если ей там не понравится и она захочет уехать домой. На машине она сможет мгновенно сбежать оттуда, не дожидаясь воскресного полдня.

– Здесь удивительные места, Шей, – убеждала ее мать. – Просто чудесные. А наша хижина великолепна. Сама увидишь, когда приедешь.

Шей посмотрела на часы и поняла, что непременно опоздает в студию, если не поспешит закончить этот разговор.

– Я буду у вас в пятницу вечером, если, конечно, мне удастся договориться насчет субботы. Ты же знаешь, что по субботам у нас очень много работы. Обычно это самые напряженные дни в галерее.

– Я уверена, что ты сможешь договориться, если толково объяснишь мистеру Вандиверу все обстоятельства. У нас будет очень весело. Мне очень хочется, чтобы ты познакомилась с Яном.

– С Яном? Это его сын?

– Да, конечно, почему бы тебе и не познакомиться с ним? Ты же понимаешь, что это попытка объединения двух семей?

Для Шей это было ужасное открытие. Провести все выходные в какой-то отдаленной сельской хижине с пожилыми супругами, которые ведут себя как глупые юнцы, недавно влюбившиеся друг в друга, да еще со своим новым, так сказать, братом, который, вероятно, как и она, будет умирать со скуки!

– Мне нужно бежать, мама, – сказала Шей, снова посмотрев на часы. – Я должна позировать. Фотограф меня ждет.

– Это будут художественные съемки?

– Нет, – ответила Шей. – На этот раз коммерческая реклама. Только ноги. Реклама бритв для женщин.

– О! – протянула та.

Селия никогда не делала тайны из того, что порой испытывала некоторую неловкость по поводу профессии своей дочери. Шей испугалась, что мать начнет выпытывать подробности предстоящей съемки, и решила прекратить разговор.

– Увидимся в пятницу. Пока, мама.

И вот она здесь. Шей медленно поднялась по деревянным ступенькам на широкую веранду. Дом принадлежал новому мужу ее матери, и здесь они проводили выходные дни вдали от городской суеты.

На входной двери она увидела записку, приколотую булавкой: «Входи без стеснения. Мы с Джоном поехали за покупками. Скоро вернемся».

Шей потянула за ручку двери и с удивлением обнаружила, что дверь не заперта. Она слышала о том, что в американской провинции нередки люди, которые не запирают дверь, когда уходят из дома.

За дверью оказалась большая комната, которая, по всей видимости, служила гостиной. Она была какой-то по-домашнему уютной. Здесь стояли несколько диванов и стулья, был большой камин, выложенный красным кирпичом. Стены занимали книжные полки с книгами и пластинками. На больших окнах не было занавесок, что позволяло наслаждаться изумительным видом, открывавшимся из окна. На полированном дубовом полу лежал огромный пушистый ковер, отчего шаги становились практически неслышными. На всех столах и полках сто-

яли хрустальные вазы с огромными букетами живых цветов. Вся обстановка гостиной говорила о том, что хозяин тщательно обдумывал каждую мелочь интерьера. Шей закрыла за собой дверь и остановилась, оглядывая комнату. Она не могла не признать, что гостиная произвела на нее весьма приятное впечатление.

Затем она решила исследовать другие комнаты первого этажа. Рядом с гостиной была небольшая, но очень уютная кухня с современным оборудованием. Правда, она отметила про себя, что внутреннее оформление кухни вряд ли можно считать безупречным. Дверь из кухни открывалась в просторную столовую с большим деревянным столом и высокими капитанскими стульями. Рядом была кладовая, где хранились стиральная машина, сушилка и что-то еще.

– Да, Джона нельзя упрекнуть в том, что он привык жить без удобств, – сказала она себе, возвращаясь в гостиную.

Через секунду она уже поднималась на второй этаж дома. Перед ней открылась чудесная панорама девственной природы. Шей подошла к большому окну и остановилась, не в силах оторвать взгляд от этой красоты. По обе стороны от лестницы находились двери в спальные комнаты. На одной из них она увидела записку, подобную той, что была приколоты к входной двери. «Комната Шей», – прочитала она.

– Узнаю свою мать, – тихо произнесла Шей. – Она не упускает ни одной мелочи.

Шей толкнула дверь в спальню и заглянула внутрь. Интерьер спальни был простым, но она была очень уютна – небольшой светильник над кроватью с белыми фарфоровыми кнопками, белое кресло-качалка, украшенные кружевами белые занавески на двух окнах. На этом изучение спальни прервалось, так как Шей услышала весело напевающий довольно громкий мужской голос, доносившийся из расположенной рядом ванной.

Приятный мужской голос напевал старую мелодию группы «Бич Бойз». Шей громко рассмеялась. Мужской голос очень старательно выводил все сложные перепады мелодии от самого низкого баса до самого высокого фальцета. Причем он поминутно имитировал ударные инструменты, громко произнося «ба-да-да-да», что было очень смешно. Эта замысловатая мелодия сопровождалась ненавязчивыми звуками льющейся воды.

– Прив-е-ет! – громко выкрикнула Шей, надеясь, что незадачливый меломан услышит ее и поймет, что он в этом доме не один, а дверь в ванную осталась открытой.

Шум воды прекратился, но мужской голос по-прежнему распевал любимую мелодию. Дверь ванной громко хлопнула. Шей открыла было рот, чтобы еще раз заявить о своем присутствии, но не успела этого сделать и замерла с открытым ртом. Из ванной появилась мускулистая нога, по форме напоминающая лучшие образцы классической скульптуры. Затем показалось упругое тело молодого человека. Великолепные изгибы его тела прекрасно передавали ощущение чувственности и силы одновременно.

Шей бросилась через всю комнату к двери, чтобы закрыть ее до того, как молодой человек заметит присутствие постороннего. А он все еще продолжал напевать, старательно вытирая голову полотенцем. В этот момент она увидела этого человека во всей его мужской красоте.

Широкие плечи, столь же широкая грудь, но при этом почти осиная талия и узкие бедра. Вода стекала с этого прекрасного торса большими хрустальными каплями, образуя едва заметные на кафельном полу лужи. Его кожа казалась мраморной, и капли воды светились перламутром на изгибах мускулистого молодого тела. Капли быстро стекали вниз, задерживаясь только в густых волосах, обильно произраставших на его широкой груди. Преодолев эту преграду, они так же быстро спускались дальше вниз, пока не застревали в таких же густых волосах ниже живота. Когда он двигался, все мышцы его груди и спины перекачивались, как огромные шары, сбрасывая с себя остатки воды. Его ноги были удивительно ровными, пропорциональными и, судя по рельефу мускулов, необыкновенно сильными. Молодой человек подошел к зеркалу и наклонился, чтобы увидеть свое отражение. При этом его ягодицы напряглись, как два шара

безукоризненной формы. Он набросил полотенце на шею и провел рукой по голове, стараясь привести мокрые волосы в порядок.

В этот момент он увидел в зеркале отражение Шей. Она стояла в нескольких шагах от ванной с раскрытым от изумления ртом и вытаращенными от восторга глазами.

Он замер на какое-то мгновение, а затем резко повернулся к ней.

– Что... – выпалил он первое слово и запнулся, как будто увидел перед собой призрак. Он даже тряхнул головой, надеясь, что это привидение немедленно исчезнет.

Необыкновенно голубые глаза уставились на Шей, поражая ее своей глубиной и ясностью. Его волосы были настолько густыми и толстыми, что она невольно подумала, всегда ли они такие или только после ванной.

Он продолжал безмолвно таращить на нее глаза, а его лицо отражало целую гамму внезапно нахлынувших чувств: растерянность, смущение, шок, разочарование, гнев. В этот момент его лицо показалось Шей образцом мужского совершенства, с которым решил пошутить талантливый скульптор. Создав безупречное мужское лицо, этот мастер придал его чертам форму безграничного удивления. Результат получился более чем комическим.

Шей отреагировала на эту сцену совершенно неожиданным образом. Она весело рассмеялась.

– Привет, – игриво сказала она, продолжая смеяться. – Меня зовут Шей Морисон.

Она протянула ему руку, едва сдерживая себя, чтобы не взорваться от хохота. Ситуация показалась ей настолько комичной, что она стала опасаться, как бы не впасть в истерику от душившего ее приступа смеха.

Он посмотрел на ее руку с невообразимо глупым выражением, как будто никогда раньше не видел подобной части тела. Затем его голубые глаза снова посмотрели в глаза Шей. В следующее мгновение он лихорадочно сорвал с шеи полотенце и стал судорожно прикрывать ту часть тела, которая находилась ниже живота. При этом его растерянный вид создавал впечатление, будто он не уверен в том, что все делает правильно. Может быть, нужно было закрыть лицо, а не ту часть тела, которая демонстрировала его принадлежность к мужскому полу.

– Ян Дуглас, – дрожащим голосом сказал он, когда ему удалось наконец закрепить полотенце на бедрах.

– Ты сын Джона! Мой сводный брат! – удивленно воскликнула Шей, давая волю безудержному смеху, который душил ее в последние минуты. – Очень... Очень... Очень приятно познакомиться, – выдавила она из себя в конце концов в промежутках между приступами смеха.

Его широкие и полные губы скривились, лицо выказывало все признаки раздражения.

– Извините меня, мисс Шей, – сказал он и попятился в ванную, прикрывая за собой дверь.

– Увидимся позже, Ян, – сказала она сквозь щель в двери. – Хотя это будет уже не так интересно, – добавила она, но в этот момент дверь громко захлопнулась у нее перед носом.

Отойдя от двери, Шей дала волю своим чувствам. Она смеялась и смеялась, каждый раз вспоминая комическую ситуацию, при которой она познакомилась со своим сводным братом.

Шей спустилась вниз, чтобы внести в дом вещи, которые привезла с собой. Она приехала налегке, прихватив только самое необходимое. Мать предупредила ее, что они не собираются ехать в город и весь уик-энд проведут в своей сельской хижине. Когда Шей возвращалась, то услышала, что на кухне полным ходом приготавливается ужин. Она поняла, что Ян Дуглас уже оделся и спустился на кухню.

Она втащила свои сумки в спальню и оставила их около кровати, решив, что распакует все позже. Взглянув в зеркало, она осталась довольна собой. Ее ноги, которые совсем недавно фотографировали в натуральную величину, сейчас были обтянуты плотными джинсами, подчеркивавшими стройность фигуры. Джинсы были настолько удачными, что ноги казались еще длиннее, а бедра более округлыми. Но все-таки ей не помешало бы немного причесаться. Ее

золотисто-пшеничные локоны спадали на плечи и были в легком беспорядке. Шей гордилась своими волосами. С детства ее волосы завивались в небольшие, но очень симпатичные кольца. Они были главной изюминкой ее внешности, придавая ей некоторую природную естественность, даже впечатление небрежности, что подчеркивало ее индивидуальность и воодушевляло фотографов. А благодаря темно-коричневым глазам ее облик приобретал дополнительную экзотичность. Шей провела по губам своей любимой помадой, поправила красную майку с короткими рукавами и направилась вниз по лестнице, предвкушая встречу со своим черно-волосым сводным братом, который оказался весьма симпатичным молодым человеком.

Войдя на кухню, она увидела, что Ян стоит, уставившись на кофейник, который, как ей показалось, выводил его из терпения, потому что долго не закипал. Он посмотрел на нее через плечо, затем снова повернулся к кофейнику, сделав вид, что не замечает ее присутствия.

Демонстративно проявленное равнодушие возмутило Шей. Она и сама не понимала, почему его поведение вызвало у нее такое возмущение, но оно было просто невыносимым и оскорбляло ее женское достоинство. Шей прекрасно знала, что мужчины находят ее весьма привлекательной, хотя их внимание нисколько не волновало ее. Она всегда относилась к подобным вещам со спокойным равнодушием. Но сейчас ее тревожило совершенно другое чувство. Разумеется, она понимала, что Ян стал в какой-то мере ее родственником, но при этом он все же оставался мужчиной, и почему-то ей было очень важно, чтобы он увидел в ней женщину.

– У тебя нет причин обижаться на меня, – сказала она, подходя поближе. – К твоему сведению, я громко крикнула «привет», когда услышала, что кто-то поет в ванной.

– Вероятно, ты сделала это недостаточно громко.

Этот ответ озадачил ее. В нем чувствовались какая-то скромность и осуждение ее поступка. Она еще никогда не сталкивалась с тем, что кто-то стеснялся своего тела. Для нее это было в высшей степени непривычно. Но, вспомнив о специфике своей работы, она поняла, что нельзя подходить с привычными мерками к другим людям. Возможно, она зашла слишком далеко в своей откровенности, но все равно его скромность показалась ей слишком старомодной, не соответствующей современным реалиям мира. Видимо, у него есть небольшой пунктик на этот счет, решила она.

Шей окинула его оценивающим взглядом. В одежде он казался не менее привлекательным, чем без нее. Его голос был настолько мелодичным, что возникало ощущение, будто звучал струнный инструмент в руках талантливого музыканта. Он волновал ее даже больше, чем все остальное.

– Если бы ты не орал во всю глотку, – объявила она, желая добиться от него нужной реакции, – то ты непременно услышал бы мое предупреждение.

– Я часто пою, когда принимаю душ, – сказал он. – По-моему, это обычная вещь.

– Я не открывала дверь в ванную. Она уже была открыта. Было весьма неосмотрительно с твоей стороны. Неужели ты не знал, что я должна приехать? Ты вышел из ванной в тот самый момент, когда я подошла к двери. Что мне оставалось делать?

Он повернулся к ней, и она отметила, что он очень высок – сантиметров на пятнадцать выше ее, хотя ее рост был отнюдь не маленьким для женщины. Он был одет в обычные слаксы и спортивную майку без воротника. Рукава, подвернутые до локтей, обнажали его сильные, мускулистые руки.

– Да, Селия сказала мне, что ты должна приехать, но она уверяла меня, что ты приедешь поздно вечером. Что касается твоего поведения, которое смутило нас обоих, то ты могла бы сразу покинуть комнату, а не дожидаться, пока я выйду из ванной. Ты поставила меня в глупейшее положение тем, что спокойно наблюдала за мной, как будто дело происходило в баре со стриптизом.

Шей очень нравилось, как он нахмурил свои темные брови, от этого его сверкающие от гнева голубые глаза казались еще более яркими.

– У меня не было никакого чувства смущения, – сказала она не мудрствуя лукаво.

– А жаль, – ответил он. – Оно должно было появиться у тебя.

– Почему? Ты что, стесняешься своего тела? Ты считаешь, что человеческое тело – что-то грязное и постыдное?

– Нет, – отрезал он, плотно сжав свои белые зубы.

– В таком случае тебя смутила не твоя нагота, а лично я. Может быть, ты не любишь женщин?

Она мило улыбнулась и села на стул. Не отрывая от него взгляда, Шей подсунула руки под колени и провокационно наклонилась вперед, выставляя грудь. Она знала, что, приняв такую позу, она выглядит весьма привлекательной для мужчин. Ее грудь, зажатая руками, образовала глубокое ущелье, которое невозможно было не заметить, тем более что под майкой у нее не было бюстгалтера. Эластичная ткань майки плотно облегла ее тело, не оставляя простора для воображения. Может быть, ей будет стыдно потом за свое поведение, но сейчас она полностью отдалась этой увлекательной игре, чувствуя демоническое напряжение во всем теле.

Он равнодушно окинул ее взглядом и снова повернулся к чайнику, сняв его с плиты.

– Мне нравятся некоторые женщины, – сказал он, подчеркивая ударением слово «некоторые».

– Но только не честные, независимые и свободомыслящие, – выпалила она, с трудом сдерживая раздражение. – Я вполне могу представить себе тот тип женщин, которые тебе нравятся. Скромные и покорные, как рабыни.

Шей вскочила на ноги и стала ходить по кухне. Она в самом деле разозлилась на него за то, что он так явно равнодушен, но еще больше она злилась на себя за то, что ее почему-то задевает его отношение к ней.

– Послушай, – продолжала она нетерпеливо, – я же сказала, что сожалею о случившемся. Не понимаю, почему ты делаешь из этого трагедию общенационального масштаба. Да, я видела тебя голым, ну и что? Что в этом плохого? Если бы ты оказался на моем месте, то не упустил бы возможности поглазеть на меня или любую другую женщину. И не надо этого отрицать. Я все равно не поверю тебе. Могу добавить к этому, что твои мысли при этом были бы намного вульгарнее, чем мои.

– У меня не бывает вульгарных мыслей о женщинах, а интимные отношения были только с женой, – тихо ответил он.

– Ты женат? – удивленно спросила Шей и огляделась вокруг, как будто желая увидеть это несчастное существо, которое могло быть женой ее сводного брата. Странно. Она почему-то не допускала возможности, что у него может быть жена. Она была абсолютно уверена, что ее мать не упоминала об этом.

– Я был женат.

– Развелся?

– Нет. Она умерла.

Желание Шей продолжать эту игру как-то внезапно померкло, а затем напрочь исчезло. Ее дразнящая улыбка превратилась в скорбную гримасу сожаления. Она выпрямилась на стуле, поправила майку и уставилась невидящим взглядом куда-то за дверь. Во дворе стояла старая машина, которую она не заметила, когда подъехала к дому.

– Извини, – тихо сказала Шей тоном примирения. Наступила тишина, нарушаемая лишь звуком льющейся из чайника воды. – Мать не рассказывала мне о тебе. Я действительно ничего не знала.

– Сахар?

Она резко подняла голову и посмотрела в его голубые глаза.

– Не поняла. Что ты сказал?

– Тебе положить сахар в кофе?

– А... нет... нет. Но если есть молоко или сливки, то это было бы неплохо, – добавила она, принимая из его рук большую чашку.

Он подошел к холодильнику и достал оттуда пакет молока. Затем вернулся к столу и поставил пакет перед ней.

– Благодарю, – сказала она, опустив голову.

– Не стоит благодарности, – ответил он сдержанно, наливая себе кофе в чашку.

Пододвинув стул, он сел напротив нее. Некоторое время они сидели молча, и ни один из них не посмел нарушить тишину. Ян смотрел на благоухающую за окном природу и время от времени дул на кофе, стараясь остудить его. Наконец он повернулся к ней и с трудом проговорил:

– Какой-то пьяный водитель врезался в нас однажды ночью. Жена умерла на месте, не приходя в сознание. А у меня не было ни одной царапины. Это случилось почти два года назад. Я знаю по опыту, что лучше сказать все сразу. Это избавляет людей от желания задавать вопросы, а меня – от необходимости на них отвечать.

На кухне вновь воцарилась тишина. Шей показалось, что ее любовь к жизни и всему живому – ничто по сравнению с этой ужасающе бессмысленной смертью. Она глубоко сочувствовала этому человеку, который испытал такое горе. Ей очень хотелось показать ему, что она вовсе не легкомысленное и бездушное существо, не способное понять чужого несчастья.

– Я тоже была замужем, но все кончилось разводом, – задумчиво сказала она. – Но сейчас это все просто материал для статистики, как и судьбы тысяч других людей.

– Как и судьба Мэри.

– Да, – ответила Шей и отхлебнула глоток из чашки.

Она снова посмотрела на него, стараясь, чтобы он не заметил ее взгляда. В профиль черты его лица показались ей более строгими, чем в фас. Может, его блестящие голубые глаза придавали его лицу мягкость, отвлекая внимание от строгих очертаний подбородка? Может, именно эти глаза заставили ее вспомнить свое неудачное замужество? Она никогда не рассказывала кому бы то ни было о своей неудавшейся семейной жизни. Эта тема была закрыта для всех. Одно только упоминание ее девичьей фамилии неизбежно приводило к неприятным воспоминаниям, а то и к болезненным ощущениям. И все же она сказала об этом Яну Дугласу. Почему такое доверие она испытывала к этому человеку, с которым только что познакомилась?

– Где ты живешь? – спросила она наконец, как будто желая заполнить возникшую паузу.

– В Бруксайде, возле Гринвича, – ответил он. – Небольшой городок, в котором живут в основном те, кто работает в Нью-Йорке.

А чем ты занимаешься? – спросил в свою очередь он.

Его голубые глаза были настолько притягательны, что она с большим трудом смогла сосредоточиться на предмете разговора.

– Чем я занимаюсь? – переспросила она, пытаясь вернуться к действительности. – Ах да, я работаю в галерее. Мы занимаемся художественным творчеством, создаем недорогие произведения искусства, украшения и все такое прочее.

– На Манхэттене?

– Нет, в Вудвилле. Когда мне нужно поехать в город, я еду до Гринвича, а затем пересаживаюсь на пригородный поезд. Но это бывает только один-два раза в неделю.

– Один-два раза в неделю? – удивленно переспросил он. – Что заставляет тебя ездить в Нью-Йорк так часто?

– Я...

Она ответить не успела, как прозвучал автомобильный сигнал. Они повернулись почти одновременно и увидели, что во двор въехал «Мерседес». Из машины вышел седовласый человек, подошел к противоположной дверце машины, открыл ее и протянул руку Селии. Ее мать

радостно улыбнулась и грациозно приняла его руку, выходя из машины. Он нежно поцеловал ее в губы, и они направились к дому.

Ян вскочил и пошел к двери, чтобы приветствовать их.

– Я уже подумал, что хозяева решили оставить меня здесь навсегда, – сказал он. – Привет, папа. Привет, Селия, – продолжил он более вежливо и наклонился над ней, чтобы поцеловать в щеку.

– Извини, что мы так задержались. У Селии был огромный список вещей, которые нужно было купить. Боюсь, что вы проголодались. – Джон Дуглас оглядел комнату и заметил Шей. – Привет. Ты, должно быть, Шей?

– О дорогая, я так рада, что ты приехала. – Ее мать оставила мужа и подошла к дочери, чтобы обнять ее. – Как дела?

– Прекрасно, – сказала Шей, целуя мать в мягкие, тщательно причесанные волосы. Она обняла ее, а затем посмотрела в сияющие от счастья глаза. – Что касается тебя, то мне не надо спрашивать, как твои дела. Я и так вижу, что у тебя все прекрасно, – сказала она матери, широко улыбаясь. – Ты прямо сияешь от счастья.

– Это все благодаря Джону, – ответила мать мягким голосом, в котором слышались интонации, свойственные молоденьким девушкам. Она потянула Джона к себе. – Джон, это моя дочь Шей.

Джон непринужденно взял ее за обе руки и внимательно посмотрел на нее. Шей поняла, откуда у Яна такие голубые глаза. Он унаследовал их от отца.

– Шей, ты такая же красивая, как и твоя мать, – ласково сказал Джон и поцеловал ее в щеку. – Прости меня за спешку, но я так страстно желал дать свое имя твоей матери, что даже не успел организовать официальную церемонию бракосочетания. Я думаю, что это прощительно. Я просто сгорал от нетерпения.

– Ты сделал ее счастливой, Джон. Мне гораздо приятнее быть свидетелем ее счастья, чем обмениваться формальными комплиментами на официальном бракосочетании, – ответила Шей с такой же мягкой улыбкой.

– Нет, это она сделала меня счастливым, – возразил Джон. – Я испытываю такой прилив счастья, о котором уже давно забыл. Добро пожаловать в наш дом, Шей. Мы всегда будем рады видеть тебя здесь.

– Спасибо.

Он еще раз пожал ей руки, а затем отпустил ее и повернулся к Яну:

– Я вижу, что вы уже познакомились. Это мой сын.

– Да, я уже узнала о нем достаточно много, – сказала Шей, и ее глаза шутливо заблестели. – У меня такое ощущение, что я знаю его уже долгие годы.

– О, я так рада, что вы поладили, – вмешалась Селия. – Мы с Джоном очень надеялись, что вы станете друзьями.

– Ты была бы очень удивлена, мама, если бы знала, как я близко с ним познакомилась, – сказала Шей, многозначительно подмигнув Яну.

Ее мать настороженно посмотрела на дочь, и та потупила глаза, понимая, что допустила ошибку. Теперь Селия будет думать, что ее дочь что-то замышляет. Не нужно было говорить таким многозначительным тоном и так насмешливо. Она была искренне рада, что ее мать чувствует себя счастливой, и ей очень не хотелось испортить этот праздник.

– Когда вы приехали, мы с Яном беседовали на очень интересную тему, – сказала она с весьма серьезным выражением лица.

– Да, – подтвердил Ян и добавил после небольшой паузы: – Мы обсуждали чрезвычайно важный вопрос о том, как сознание человека должно руководить его поступками.

– О! – воскликнула Шей, вызываяще приподнимая подбородок и поворачиваясь к нему. – С моим сознанием все в полном порядке. И с моими поступками тоже.

– Тогда, может, стоит обсудить твои моральные принципы?

– Ян... – попытался вмешаться Джон Дуглас.

– О дорогая! – воскликнула Селия. – А я так надеялась...

– Мои моральные принципы вполне нормальны и современны, – парировала Шей, запрокидывая голову, чтобы видеть глаза Яна.

– Ты не смогла мне этого доказать.

– А я ничего и никому не обязана доказывать, – яростно выпалила Шей, не обращая внимания на попытки матери успокоить ее. – Я никогда не доверяла таким узколобым, ограниченным и самодовольным педантам, как ты. – Ее грудь бурно вздымалась, когда она выкрикивала наполненные гневом слова. – Извините меня, – сказала она, направляясь к двери. – Мне нужно принять душ и переодеться к ужину.

Шей взбежала вверх по лестнице, вошла в ванную и включила такую холодную воду, какую только могла выдержать. Но вместо долгожданного успокоения холодный душ лишь усилил приступ охватившего ее гнева.

– Какой дикарь, – пробормотала она, надевая короткую юбку и блузку свободного покроя. Мягкая и тонкая ткань блузки приятно щекотала тело и не скрывала округлые формы груди. Шей собрала волосы в пучок и завязала их на макушке. При этом несколько локонов остались свободными, что придавало особое очарование ее лицу.

Ян Дуглас сочетал в себе все качества, которые она всегда презирала в людях. Он был чересчур рассудительным, чересчур категоричным и слишком правильно говорил о всех вопросах, которые касались морали и нравственности человека. Он осуждал любое проявление свободомыслия и независимости и при этом считал возможным поучать таких, как она.

Шей было уже тридцать лет, и она не могла изменить себя, свой характер и привычки, да и не хотела этого делать, если честно признаться. Ее отец был единственным человеком, который до конца понимал ее. Он всегда поощрял ее чувство свободы, поддерживал ее стремление к независимости в суждениях. Воспитывая в ней терпимость к другим людям и их недостаткам, он часто говорил, что она не должна строго судить других людей. Когда он умер, она потеряла не только любящего отца, но и самого близкого друга, верного союзника.

Она до сих пор помнит его и чувствует, как ей недостает его. Он был врачом, которым восхищались все его пациенты, мужем, которым восторгалась жена, отцом, которого так сильно любила дочь. У них сложились очень редкие по тем временам отношения – открытые и доверительные. Мать Шей всегда была сдержанной и неохотно обсуждала с дочерью некоторые подробности интимной жизни человека. Отец же был предельно откровенным и всегда прямо отвечал на все ее вопросы, даже самые пикантные, причем делал это подробно и обстоятельно. Более того, он всегда ценил ее способность проявлять любознательность и задавать самые разные вопросы, считая это естественным проявлением человеческого любопытства и интереса к жизни. Тем же, кто постоянно упрекал Шей в не совсем правильном поведении, он всегда отвечал, что это нормальное проявление открытости, откровенности и честности. Она все время ощущала его защиту и покровительство.

Более всего Шей ненавидела тех узколобых, ограниченных людей, которые считали себя вправе поучать других, навязывать им собственные стереотипы поведения. Она всеми фибрами души ненавидела ханжество и показную добропорядочность. Теперь она уже нисколько не сомневалась, что Ян Дуглас принадлежит именно к такой категории людей. Жаль, что это так. Человеку с такой внешностью не подходит роль, которую он старательно пытается играть. У него такие чудесные глаза, такой красивый волевой подбородок. Ей казалось, что совершенно невозможно ненавидеть человека со столь красивым телом и лицом, что Нарцисс заплакал бы от зависти.

Вдруг ей пришла в голову мысль, что она сама становится слишком требовательной к человеку, которого только что встретила, и слишком строго судит его, не зная истинных причин его поведения. Эта мысль неприятно поразила ее, и она тут же отбросила ее в сторону.

– Ну его к черту! – раздраженно выкрикнула Шей, брызгая на себя соблазнительно ароматными духами. – Я не просила его высказывать свое мнение о проблемах морали. Мне наплевать, что он обо мне думает. Как только этот дурацкий уик-энд останется позади, я тут же забуду о нем и никогда его не увижу.

С этими мыслями она спускалась вниз по лестнице. Джон и Ян сидели в удобных креслах и потягивали белое вино из больших хрустальных бокалов в форме тюльпана.

– Шей! – воскликнул Джон, поднимаясь со своего кресла. – Выпей с нами немного вина.

Она одарила его лучезарной улыбкой, не обращая внимания на сердито хмурившегося сына.

– Нет, Джон, спасибо, – вежливо отказалась она. – Я думаю, что мама нуждается в моей помощи на кухне.

Резко повернувшись, так что ее короткая юбка взметнулась, она исчезла за дверью кухни.

– Чем я могу тебе помочь? – спросила Шей, оглядывая кухню. Ее мать склонилась над духовкой, пытаясь вытащить оттуда тяжелый противень.

Ее лицо покраснелось от жара, шедшего от духовки. Селия повернулась к дочери, посмотрела на ее одежду и тяжело вздохнула от разочарования.

– Единственное, чем ты можешь помочь мне в данный момент, так это подняться наверх и надеть бюстгальтер, – проворчала она, все еще стоя у плиты. В своем ярком фартуке она совсем не походила на строгую и требовательную мать, к образу которой привыкла Шей.

– Зачем? – удивленно спросила Шей и подошла к большому подносу, чтобы попробовать оливки.

Селия долго искала нужные слова:

– Затем... Затем, что я прекрасно вижу твои... твои... капли росы.

Шей чуть было не подавилась оливкой, а поняв, что имела в виду мать, рассмеялась. Она и представить себе не могла, что существует такой образ.

– Капли росы? – переспросила она, вытаращив на мать глаза. – Это называется соски. Соски. Пора бы уже знать это. У каждой женщины со времен Евы есть соски на груди. Это своеобразная часть женской анатомии. Их создал Господь Бог, мама, и совершенно бессмысленно стесняться этого.

– Но и не стоит открыто демонстрировать их, – сердито сказала Селия и снова тяжело вздохнула. Она в очередной раз подумала, что в поведении дочери проявляется ее всепобеждающий прагматизм. – Что подумают о тебе Джон и Ян?

Веселая улыбка исчезла с лица Шей, и она нахмурилась. Подойдя к окну, она смотрела на свежую зелень, но ее уже так не радовал удивительно красивый ландшафт. Сама того не желая, мать обезоружила ее самым эффективным способом. Она напомнила ей о том внутреннем конфликте, который всегда раздирал душу Шей на части. Она долго пыталась примирить себя с собой, но из этого ничего не вышло. За всю свою жизнь она так и не сделала ничего такого, что могло бы заставить близких гордиться ею.

– Ты стыдишься меня, мама? – спросила она тихим голосом.

– О, Шей! Конечно же, нет, дорогая! – воскликнула Селия с нескрываемым сожалением. Она быстро подошла к дочери и обняла ее за талию. – Это все из-за того, что я хочу весело провести этот уик-энд. Я хочу, чтобы у нас все было спокойно и хорошо. Понимаешь? Я не хочу, чтобы мы все испытывали ненужное напряжение. У тебя уже была стычка с Яном. Кстати, что между вами произошло?

– Ничего особенного, – уклончиво ответила Шей. – Мы просто не понравились друг другу. Это всего лишь неприязнь – глубокая, тотальная и неисправимая. – Шей не стала объяснять подробности случившегося, полагая это излишним.

– И ты, конечно, не считаешь себя виноватой. – Селия отошла от дочери и продолжила готовить ужин. – Когда же ты научишься вести себя? Шей, я всегда говорила твоему отцу, что он толкает тебя в пропасть своими собственными руками, когда позволяет тебе видеть и слышать все то, что ни одна порядочная молодая леди не должна видеть и слышать. Он был слишком свободным в своих мыслях, и это передалось тебе.

– И я благодарю Бога за то, что так случилось, – сказала Шей, сдерживая себя. Ее голос прозвучал довольно резко, и она постаралась смягчить его, увидев страдальческое выражение на лице матери. – У нас сегодня будет чудесный ужин, мама. Твои цыплята просто превосходны, если мой нос не обманывает меня. – Она подхватила большой поднос и направилась в столовую. – Я постараюсь не опозорить тебя в глазах твоего мужа и своего сводного брата, – добавила она, выходя из кухни.

Селия по праву могла гордиться своим ужином. Все керамические и металлические приборы и предметы сияли так, что казалось, они были изготовлены из фарфора и серебра. В центре стола она поставила большую хрустальную вазу с огромным букетом живых весенних цветов. Что же касается самих блюд, то они были непревзойденными. В последние годы, когда она жила в одиночестве, никто не мог по достоинству оценить ее кулинарное мастерство. А такой талант у нее действительно был, и он полностью раскрылся сегодня вечером. Шей посмотрела на мать с гордой улыбкой.

Ужин начался после того, как Джон попросил Яна извиниться за все то, что произошло между ним и Шей. Если бы не этот Ян и его сердитый взгляд, то Шей насладилась бы отменным ужином. Джон был джентльменом в полном смысле слова. Он внимательно следил за разговором и часто вставлял фразы, которые резко меняли его направленность.

– Твоя мать сказала мне, что какую-то часть рабочего времени ты проводишь в галерее, – вежливо осведомился он.

– Да, – сказала Шей и, вытерев губы бумажной салфеткой, отодвинула от себя остатки клубничного кекса. – Наши клиенты – люди с большим вкусом, но с маленькими доходами. Мы выставляем и продаем неплохие произведения искусства для тех, кто хоть немного в нем разбирается.

– Должно быть, ты неплохо знаешь тонкости художественного творчества, – заметил Джон, прикуривая ароматную сигару от свечи канделябра.

– Похоже на то, – смеясь ответила Шей. – Я провела немало времени в студиях известных художников.

– Да? Интересно, в каком же качестве?

– Она работала с лучшими художниками, – вмешалась в разговор Селия, нервно потирая руки. – Она... Говорят, что лучше ее... Ее...

Шей бросила быстрый взгляд на Яна, который сидел молча, подперев голову ладонью. Из-за тусклого света свечей его темные волосы казались еще темнее. Он уставился куда-то в пространство, и было совершенно очевидно, что его не интересует предмет разговора.

Шей гордо вскинула голову и решила уточнить обстоятельства своей профессии:

– Моя мать все ходит вокруг да около, не решаясь сказать вам, что я работаю моделью. Я модель высочайшего класса. – Она сделала паузу, которая лишь подчеркнула всю драматичность наступившей тишины. – Я позирую обнаженной.

Она повернулась к своему сводному брату, чтобы увидеть, какой эффект произведет ее смелое заявление. Она нисколько не сомневалась в том, что ее слова будут ему ужасно неприятны. И она не ошиблась. Он посмотрел на нее осуждающим взглядом и опустил голову. Она

поняла, что ее заявление потрясло его до самой глубины души, и восприняла это как личный триумф.

Но затем случилось неожиданное. Он поднял голову и, посмотрев на нее изумительно голубыми глазами, сказал:

– А я священник.

2

В течение нескольких секунд Шей смотрела на Яна, а затем перевела взгляд на мать, как бы пытаясь удостовериться в том, что он не шутит.

– Я... я думала, что уже говорила тебе о том, что именно Ян обвенчал нас, – прошептала Селия едва слышно.

Шей почувствовала, что ее щеки начинают полыхать огнем. В ушах загудело, и голос матери она слышала как во сне.

– Нет, – выпалила она. – Нет, ты не говорила мне, что Ян священник.

Что она сказала этому человеку? Что она наделала? Черт возьми! Он вовсе не похож на тех священников, которых ей доводилось видеть. В его облике ничто не указывало на его принадлежность к этому сословию. Она предполагала, что священники должны носить определенную одежду, а их манеры должны соответствовать их сану. Это нечестно, что он одет, как обычный светский человек. Она подумала, что он только поджидает удобного случая, чтобы уличить кого-то в греховном поступке.

От этих мыслей чувство смущения стало переходить в неконтролируемый гнев. Почему он с самого начала не сказал ей, кто он такой? Из-за него она выглядит как настоящая дура, это он выставил ее на посмешище. Она почувствовала себя оскорбленной. Но не было смысла набрасываться на него сейчас. Ее мать еще больше расстроится из-за нее. Шей взяла себя в руки, мило улыбнулась и, повернувшись к нему, сказала:

– Надеюсь, что моя профессия не очень шокировала вас, ваше преподобие.

Он невозмутимо потягивал кофе.

– Чем бы ты ни занималась, это не может шокировать меня.

Она почувствовала скрытую скорбь в его словах и обиженно сжала губы. Она хотела что-то ответить ему, но в разговор вмешалась мать.

– Мне бы очень не хотелось, чтобы вы превратно поняли профессиональные занятия Шей. Она не позирует для вульгарных журналов, которые предназначены специально для мужчин, – сказала Селия с нервным смешком.

– Я не нуждаюсь в том, чтобы ты защищала меня перед ним, – довольно резко заметила Шей и посмотрела на Яна.

– А я и не пытаюсь этого делать, Шей, дорогая, – дипломатично ответила ее мать. – Я просто хотела объяснить нашим мужчинам сущность твоей профессии. – Она повернулась к своему мужу и добавила: – Она работает с самыми лучшими современными художниками, скульпторами и фотографами и помогает им создавать замечательные произведения искусства, которые никто не посмеет назвать непристойными.

Шей глубоко оскорбили умоляющие нотки в голосе матери.

– О, мама, оставь это, ради бога! – раздраженно воскликнула она и встала, с шумом отодвинув от себя стул. – Пока вы все трое будете здесь молиться за мою грешную душу, я помою посуду. – Не сказав больше ни слова, она повернулась и пошла на кухню.

Некоторое время спустя она с остервенением драила тарелки, окуная руки в горячую мыльную воду. Ее юбка была прикрыта кухонным полотенцем, которое она использовала вместо фартука. Когда раздался стук закрываемой двери, она даже не повернулась. Ей пока не хотелось говорить с матерью. Но когда за ее спиной послышался низкий мужской голос, она вздрогнула от неожиданности.

– Хочешь, я помогу тебе?

– Нет, – коротко отрезала Шей, стараясь не задумываться, отчего так сильно забилось сердце. – Почему твой отец не установил на кухне посудомоечную машину, когда строил дом? – сердито спросила она, чтобы скрыть от него внезапно охватившую ее нервозность. Ее безраз-

личие к происходящему было показным, а на самом деле ее очень огорчало то, что она вела себя в его присутствии неподобающим образом.

Он поставил на стол стопку грязной посуды и рассмеялся.

– Мне кажется, что сейчас она ему совсем не нужна. Он и твоя мать с превеликим удовольствием сами занимаются этим делом. Каждый вечер после ужина они приходят на кухню и с упоением моют и чистят. При этом они весело болтают и строят планы на будущее. Они так близки друг другу в этот момент, что я даже немного завидую им.

Несколько успокоенная тем, что он не обиделся на ее слова, Шей повернулась к нему и с любопытством посмотрела в глаза:

– Ты единственный ребенок в семье?

– Да.

– Я тоже. Мне кажется, что большинство детей в маленьких семьях чувствуют себя забытыми, брошенными, когда их родители заняты собственными интимными вопросами. У них возникает чувство, что они вторглись в чужую семью.

– Ты знаешь это по собственному опыту?

Она резко повернула голову, подчиняясь защитному рефлексу, но выражение его лица было мягким и понимающим.

– Да, думаю, что это так, – призналась она и снова повернулась к раковине, когда он вышел из кухни за очередной стопкой посуды.

Через некоторое время он вернулся, и она задала ему вопрос, который не собиралась задавать. Он просто сорвался с ее губ:

– Почему ты не сказал мне, что ты священник, прежде чем я выставила себя на посмешище?

Он снова рассмеялся.

– Обстоятельства вышли из-под контроля, – сказал он. – Я просто не успел этого сделать.

Он взял старомодный веник и стал тщательно подметать пол на кухне.

– Как ты думаешь, когда я мог сделать такое признание? Когда стоял совершенно голый перед тобой, открыв от удивления рот? Или ты считаешь, я должен носить на шее табличку с надписью, что я священник?

Ей стало совершенно ясно, что он насмехается над ней. Она сжала зубы, помолчала несколько секунд и сказала сдавленным голосом:

– Ты вполне бы мог сказать о своей работе, когда мы с тобой беседовали до приезда родителей.

– Что? Лишить тебя возможности наброситься на меня со своими идиотскими упреками и прекратить твои попытки соблазнить меня?

Она бросила тарелку в раковину, выплеснув на себя горячую воду.

– Я вовсе не хотела наскокивать на тебя! – закричала она, повернувшись к нему лицом. – И не предпринимала никаких попыток соблазнить тебя!

– Ах так, значит, ты бегала здесь без нижнего белья просто ради интереса?

– Я сделала это только потому, что не люблю носить смешные приспособления, придуманные викторианцами. – Она тут же позабыла о своем гневе и хитро посмотрела на Яна. – Я так понимаю, что ты все-таки обратил на это внимание, хотя ты и священник.

Его голубые глаза скользнули по всем изгибам ее упругого тела, этот взгляд совершенно явно говорил о возбужденном желании. Затем он снова посмотрел ей в глаза и равнодушно пожал плечами.

– Я должен был быть совершенно слепым, чтобы не обратить на это внимания.

Он взял сухую тряпку и наклонился вниз, чтобы вытереть насухо только что вымытую кастрюлю. Шей гневно дернула головой и повернулась к раковине.

– Ты очень категоричен в своей критике одежды, которую носят другие люди, – сказала она, продолжая мыть посуду. – А ты сам во что одет? Я никогда еще не видела, чтобы священник носил слаксы и спортивную майку.

Про себя она отметила, что в этих слаксах и оксфордской майке он был скорее похож на чиновника из Манхэттена, который приехал в Коннектикут, чтобы немного отдохнуть и отвлечься от городской суеты.

– Никто не смог бы догадаться, что ты священник, если бы судил по твоей одежде.

Это замечание немного позабавило Яна. Он повернулся к сушилке и поставил туда несколько тарелок:

– А как же, по твоему мнению, должны выглядеть священники?

– Не так, как ты, – упрямо сказала она, не вдаваясь в подробности.

Разумеется, она могла сказать, что священники обычно старше и толще. По ее мнению, у них должно быть доброе, умудренное опытом лицо и серебристые от седины волосы и еще, наверное, большие очки в металлической оправе. Во всяком случае, у священников просто не должно быть такого милого лица и угольно-черных волос, которые у любой женщины могут вызвать желание протянуть руку и погладить их. У них не должно быть таких изумительно голубых глаз, взгляд которых пронизывал собеседника насквозь, проникая в самые потаенные уголки души. А если они и бывают у священников, то ни в коем случае не должны так напряженно смотреть на женщину, как бы раздевая ее. К тому же у священника не может быть такого совершенного тела, высокого и стройного, упругого и сильного, местами гладкого, а местами поросшего темными волосами, еще более увеличивающими соблазнительность тела.

Ян взял со стола полотенце и стал быстро вытирать насухо посуду, которую она сложила на столе. В течение нескольких минут они молча занимались своим делом. Во всем доме было очень тихо, и только звяканье посуды нарушало тишину.

– Что случилось с нашими родителями? Где они? – озабоченно спросила Шей.

Его улыбка могла бы показаться ей умопомрачительной, если бы она не знала, какой он строгий судья в вопросах морали.

– Они пошли прогуляться вокруг дома, – весело сказал Ян и многозначительно подмигнул. – Очевидно, они хотят немного растряссти свой ужин. А если говорить откровенно, то я думаю, что они решили воспользоваться возможностью оторваться от нас и заняться поцелуями. Мне кажется, что это вполне простительно для молодоженов.

– А почему бы им в таком случае не пойти наверх и не уединиться в своей комнате?

– Это было бы слишком откровенно.

Шей засмеялась:

– Я совершенно не могу представить свою мать в качестве невесты.

– Дети очень редко думают о своих родителях как о мужчине и женщине, а тем более как о сексуальных партнерах.

– Ты что-то имеешь против? – спросила Шей и посмотрела ему в глаза. При этом немного подняла голову и почувствовала, как ее локоны упали на лицо.

Возникла довольно продолжительная пауза, в течение которой он внимательно изучал ее.

– Против? Против чего? – спросил он наконец, не скрывая своего удивления.

– Я спрашиваю, ты не против того, что твой отец женился на моей матери? – пояснила Шей. – Я помню, что ты очень тепло отзывался о своей матери и о том времени, когда вы все вместе жили здесь. У вас была хорошая и крепкая семья.

Он повесил полотенце себе на шею и осторожно втиснул тарелки в сушилку.

– Отец очень сильно любил мою мать, – сказал он грустно. – То же самое Селия говорила мне о твоём отце. Она ведь тоже любила его, не правда ли? Говоря языком статистики, они относятся к той категории населения, которая вступила во второй брак после смерти одного

из супругов. Твоя мать и мой отец любят друг друга в данный момент, но это вовсе не означает, что они забыли свое прошлое, забыли все то, что было у них до этого брака.

Шей задумалась над его словами:

– Мне очень нравится твой отец. И не только потому, что он очень приятный человек. Для меня самое главное то, что он дал счастье моей матери. Я никогда не думала, что она сможет быть такой счастливой, умиротворенной и радостной после смерти моего отца.

– Ты не обижаешься на него? – спросил он, внимательно вглядываясь в ее глаза. – Ты не воспринимаешь его как постороннего человека, который пытается занять место твоего отца?

Шей грустно улыбнулась ему и сказала, отвернувшись:

– Это очень глубокое наблюдение. Ты знаешь, я восхищалась своим отцом, и, когда я узнала о замужестве матери, у меня появилось горькое чувство обиды. Я действительно не хотела, чтобы кто-то пытался заменить моего отца. Но сейчас я так не думаю. Как только я увидела их вместе, обида исчезла. Было бы слишком эгоистично лишать ее такой радости и тем более оспаривать ее право на счастье. – Она рискнула посмотреть на него снова. – А ты? У тебя был счастливый брак?

– Очень.

– Но ты же не спешишь снова жениться.

Его голубые глаза пронзили ее своей чистотой.

– Нет, не спешу. И никогда не стану предпринимать подобной попытки.

Ну ладно, подумала она, он явно дал ей понять, что не желает говорить на эту тему. Ну что ж, придется поговорить о чем-то другом.

– Мне интересно узнать, когда у человека возникает желание посвятить свою жизнь церкви?

– А мне не менее интересно узнать, когда у человека возникает желание позировать нагишом, чтобы заработать себе на жизнь?

– Черт бы тебя побрал! – воскликнула она и, резко повернувшись, шутливо ударила его кулаком в живот. – Я прилагаю немало усилий, чтобы быть доброжелательной и не портить уик-энд своей матери и твоему отцу. Я изо всех сил стараюсь наладить нормальный разговор, а ты при каждом удобном случае пытаешься оскорбить меня.

Он быстрым движением перехватил ее руку и дернул ее так сильно, что она невольно наскочила на него.

– Никогда не пытайся ударить меня и тем более не произноси проклятий в моем присутствии. – Он стиснул зубы, а в глазах появился оттенок решительности. – Что же касается моих вопросов, то это просто попытка узнать правду и не более того. Я действительно хочу знать, что заставляет такую симпатичную женщину продавать себя? Неужели ты не могла устроить свою жизнь по-другому?

Если бы он не сжимал ее руку как тисками, она, вероятно, попыталась бы вцепиться ему пощечину. Если бы у нее хватило для этого храбрости. Сейчас она в полную меру ощутила силу его характера и темперамент. Он был одновременно устрашающим и сдерживающим, как и его железные пальцы, которыми он держал ее руку.

– Потому что я очень неплохо выгляжу – вот почему, – по-детски наивно сказала она. – Я получила от родителей то, что многие люди считают почти совершенными формами тела, удивительно пропорциональными, как они говорят. У меня на теле нет никаких пятен, шрамов, прыщиков и прочих естественных недостатков. Мое тело производит на людей гораздо более сильное впечатление, чем мое лицо. Поэтому многие художники часто используют в качестве модели мое тело, а лицо срисовывают с других женщин. – Она затаила дыхание, почувствовав, что ее грудь уперлась в его мощную грудную клетку. – Это своеобразный товар, и я продаю его тем, кому он необходим. Но моя работа не имеет абсолютно никакого отношения к моему внутреннему миру, к моей духовной жизни. Нужно уважать человеческое тело. Это творение

Господа. Наиболее значительные произведения искусства во все времена посвящались обнаженному телу. Даже Ватикан забит такими скульптурами. Подумайте об этом, преподобный Дуглас.

Наконец ей удалось выдернуть руку из его цепких пальцев и отступить на шаг назад.

– Все, что ты сказала мне, правда, – уступил он. – Но как ты можешь смириться с мыслью, что какие-то... какие-то извращенные люди могут считать тебя объектом своих фантазий? Они могут смотреть на твое тело и представлять себе, что ты находишься в их постели, они могут трогать тебя, удовлетворяя свои сексуальные потребности.

– Я не могу отвечать за действия каких-то извращенцев! Люди, о которых ты говоришь, крайне редко интересуются настоящим искусством. А мои фотографии, как правило, не продают на улицах и перекрестках. Я тебя уверяю, что тебе никогда не предложат купить мои фотографии, говоря: «Хочешь купить соблазнительные картинки?» Как совершенно верно заметила моя мать, я никогда не позирую для эротических изданий. – Она выпалила это так гневно, что даже не заметила, что при этом выпятила грудь и прикоснулась к нему. – К тому же это вовсе не похоже на переспевшие арбузы, которыми можно соблазнить искушенного гедониста, не правда ли?

В этот самый момент Шей поняла, что допустила большую ошибку, сказав эти слова. Она виновато потупилась и приняла такую позу, которая скрывала округлость груди. Но она сказала ему правду – ее грудь была небольшой, но при этом совершенно зрелой и тугой, как только что надутые мячики. А самое главное заключалось в том, что она была прекрасной формы и безусловно симметрична. Яну понадобилось немало времени и усилий, чтобы оторвать взгляд от ее груди и изобразить на лице полнейшее равнодушие.

– Ну хорошо, – примирительным тоном сказал он. – Ты очень внятно объяснила свою позицию.

– Не совсем, – прервала она его.

Она уже почувствовала азарт и решила до конца высказать свое отношение к собственной профессии. Действительно, очень немногие понимали смысл ее работы. Почему это так, для Шей оставалось загадкой. В особенности когда люди начинали задавать ей каверзные вопросы о ее моральных принципах. Она всегда относилась к таким узколобым обывателям с некоторой степенью снисходительности, считая это проявлением бескультурия или необразованности. Но ханжеское отношение Яна покорило ее, вызвав неконтролируемый гнев. Более того, он глубоко задел ее самолюбие, вынудив ее защищаться.

К тому же Ян оказался почти таким же, как и все остальные. Ведь не случайно же он обратил внимание на ее грудь? Как бы он ни выпендривался, но в душе он все равно остается мужчиной.

– По твоему мнению, что я делаю, когда позирую фотографу или художнику? – игриво спросила она, не рассчитывая на его ответ. – Ты, наверное, думаешь, что я кручусь перед ними, выпячиваю все свои прелести? А может, ты думаешь, что я занимаюсь с ними чем-то неприличным после того, как вышла перед ними обнаженной?..

– Прекрати, Шей! – воскликнул он, поворачивая ее к себе лицом.

Он сделал решительный жест руками и застыл, глядя ей прямо в глаза. Наступила гробовая тишина. Шей не знала, что ее поразило больше – его гневная реакция на ее слова или то, что он назвал ее по имени. Она стояла перед ним неподвижно, затаив дыхание.

Если бы он не был священником, то она бы нисколько не сомневалась в том, что он проворчал про себя самые грубые ругательства. Ян резко отвернулся и провел рукой по волосам.

– Нет, я так не считаю. Я не думаю ничего плохого ни о тебе, ни о твоей работе, – запротестовал он. – Если ты считаешь меня таким идиотом, то ошибаешься. Это несправедливо с твоей стороны, Шей. – Он снова повернулся к ней и посмотрел в глаза. – Но что же я должен был думать о твоём поведении, когда я увидел тебя в первый раз? Что я должен думать о женщине,

которая заглядывает в ванную и пялит глаза на незнакомого мужчину, когда тот стоит перед ней в чем мать родила? И при этом не обнаруживает абсолютно никаких признаков смущения.

– Ты считаешь себя незнакомым мужчиной?

Этот вопрос почему-то рассердил его. Его пальцы сжались в кулаки, хотя руки остались неподвижными. Она окинула его оценивающим взглядом с ног до головы:

– Единственное, что удивило меня, это то, что ты напевал старомодную и давно забытую всеми мелодию. Зная теперь твою профессию, я бы сказала, что «Рок столетий» более подходит для тебя, чем «Приятные волнения».

Шей сняла кухонное полотенце и небрежным жестом поправила несколько прядей волос, спадавших на шею. Тем самым она хотела показать, что его гнев совершенно не волнует ее.

– Когда-то я очень любил группу «Бич Бойз», – сказал он тоном оправдания. – А также «Битлз», «Би Джиз» и «Блонди». А теперь позволь мне сказать, чего я никогда не любил.

– Я не хочу...

– Я никогда не любил тех женщин, которые настолько лишены женственности, что часто берут на себя роль мужчины. Я готов поверить в то, что у тебя прекрасное тело, но ты была права, когда сказала, что твоя профессия не имеет отношения к твоему духовному миру. Да, ты была права. Но, мне кажется, это потому, что у тебя нет никакого духовного мира. Ты напоминаешь мне прекрасную ракушку, в которой ничего нет. Она совершенно пуста. У тебя нет женской души. Ты так увлеченно играешь роль значительной личности, что до сих пор не знаешь, кто ты такая и чего хочешь от этого мира.

Шей чуть не задохнулась от возмущения.

– Пошел ты!.. – выкрикнула она, но вовремя остановилась, вспомнив о его предупреждении. Но охватившая ее злость все же оказалась сильнее защитной реакции страха. – Пошел ты к черту!

После этого она выбежала из кухни, хлопнув дверью. Удар был настолько сильным, что звук разнесся по всему дому. Джон и Селия, которые стояли на веранде, нежно обнявшись, резко отодвинулись друг от друга. На их лицах застыло выражение стыда и вины.

– Боже мой! – воскликнула Шей, выходя из дома. – Ради всего святого, пойдите в свою комнату и перестаньте вести себя как свихнувшиеся влюбленные! Почему бы вам не отправиться спать?

Она надеялась, что обычная вечерняя процедура – принять холодный душ, причесаться и почистить зубы – поможет ей избавиться от тягостного впечатления, которое осталось после разговора с Яном. Она укроется теплым одеялом и быстро уснет, позабыв всю ту чушь, которую он наговорил ей.

Ей не следовало спускаться вниз, не следовало испытывать его терпение и провоцировать его гневную реакцию, а самое главное – ей не следовало чертыхаться в его присутствии. Подумать только, послать к черту священника! Какое ей дело до его мнения? Почему она затеяла этот глупый разговор? Неудивительно, что он так плохо думает о ней.

Она пыталась забыть все те грубые слова, которые он сказал ей, но они продолжали звучать в ее ушах, как водопад, эхом отдаваясь во всех уголках сознания. Но самым невыносимым для нее было то, что слова Яна были правдой. Она это чувствовала и не могла убедить себя в обратном.

Вдруг Шей услышала, что кто-то осторожно открыл и закрыл дверь в соседней спальне. «Снова он», – раздраженно подумала Шей. Она несколько раз повторила про себя, что ей совершенно наплевать на все, что он делает, но любопытство оказалось сильнее. Она стала прислушиваться к шорохам в соседней комнате, догадываясь о том, что он готовит постель ко сну. Через некоторое время дом снова погрузился в тишину. Она несколько раз ударила кулаком по подушке, наказывая ее за то, что не может уснуть.

По какому праву какой-то сельский священник лезет к ней в душу да еще пытается указать на ее недостатки? А она? С какой стати она должна выслушивать его нравоучения и принимать так близко к сердцу все его глупые слова? Нет, ее задело не то, что он сказал, а то, что это было похоже на правду. Именно это раздражало ее больше всего.

Она действительно играла эту роль, роль значительной личности. В течение многих лет она ощущала невыносимую пустоту в душе. Шей не могла определить, почему возникла эта пустота, но была почти абсолютно уверена в том, что ее нечем заполнить. Ее тело, красовавшееся на многих картинах и фотографиях, было весьма ценным товаром, но не более того. Фактически оно ей не принадлежало. Ее муж, который, как ей сначала казалось, любил ее, больше всего был озабочен тем, как она выглядит и что она делает, но не тем, что она при этом чувствует и думает.

Энсон Портер был весьма амбициозным молодым человеком и настойчиво добивался успеха, делая карьеру в своем бухгалтерском бизнесе. Его конечной целью было стать полноправным партнером в компании, где он работал. Они познакомились на одной выставке, куда он пришел не потому, что увлекался изобразительным искусством, а потому что один из его боссов оказался щедрым спонсором молодого художника, работавшего над серией портретов обнаженных женщин.

Шей пришла на выставку по приглашению самого художника, и ей сразу же понравился Энсон, тем более что и он проявил к ней немалый интерес после того, как их представили друг другу. Он был весьма любознательным и задавал очень много вопросов, касающихся замысла художественного произведения и технологии его исполнения. Его интересовало даже то, сколько времени она позировала художнику. Поэтому когда после выставки он пригласил ее на чашку кофе, она с радостью приняла его приглашение.

Это было их первое свидание, за которым последовало много, очень много других. Они были счастливы и наслаждались влюбленностью друг в друга. А когда он предложил ей руку и сердце, она была так рада, что бросилась к нему на шею и стала осыпать его страстными поцелуями. Свадьба была поспешной и быстрой, как ураганный ветер. Но вскоре после свадьбы наступили прозаичные будни. Оказалось, что ее муж относится к браку так же, как к своей карьере в бухгалтерской фирме. Он стал навязывать ей свои представления о том, что жена должна быть подчиненным партнером в семейной жизни.

Ей следовало ездить на скромной машине, одеваться в такую же старомодную консервативную одежду, как и другие порядочные жены, скучать на званных обедах и светских раутах, где ее окружали тупые и поверхностные женщины.

– Ты что, с ума сошла? – возмущенно спросил однажды муж, когда она сообщила ему о том, что получила весьма заманчивое предложение.

– Нет, не сошла. Мне предложили позировать очень известному скульптору. Он...

– Мне наплевать на то, кто он, – грубо прервал ее Энсон. – Ты собираешься позировать ему обнаженной, не так ли?

Она прикусила нижнюю губу и сосчитала до десяти, чтобы успокоиться.

– Да, обнаженной.

– Ну так вот, – решительно сказал он. – Забудь об этом и никогда не говори мне о подобных предложениях. Что подумают люди?

Она поднялась со стула и высказала ему все, что думает о мнениях других людей:

– Ты прекрасно знал, чем и как я зарабатываю себе на жизнь. Тебе это было известно задолго до нашей свадьбы, но тогда это почему-то не очень волновало тебя.

– Да, – согласился он, – но только до свадьбы, а не после нее. Я женился не для того, чтобы какие-то грязные типы наблюдали за тем, как ты дефилируешь перед ними совершенно обнаженной. И мне наплевать на то, что они очень знамениты и все такое прочее.

Шей уже не могла контролировать свои эмоции и взорвалась:

– Ты говоришь глупости и рассуждаешь, как безнадежный провинциал!

– Может быть, но только с твоей, так сказать, художественной точки зрения, а не с точки зрения любого уважающего себя мужа. Если хочешь знать, то я был почти уверен, что ты оставишь всю эту дрянь, связанную с моделью. Я надеялся, что ты образумишься и не будешь больше позировать нагишом перед этими старыми извращенцами.

– Ну что ж, значит, ты обманулся в своих надеждах, – выпалила она и опрометью выскочила из комнаты.

Тогда она уступила Энсону и отказалась от предложения, но отношения между ними уже не стали такими, как прежде. Все изменилось. Он всячески пытался обуздать ее мятежный дух, хотя именно это привлекло его внимание в их первую встречу. А может быть, он просто восхищался ее телом, совершенно не задумываясь о ее душе? Во всяком случае, он не позволял ей быть такой, какой она была на самом деле. Он делал все возможное, чтобы она стала такой, какой она никогда не могла быть.

Иногда у Шей складывалось впечатление, что все окружающие преследовали ту же цель. Например, ее мать хотела во что бы то ни стало сделать из нее добропорядочную леди. Ее муж старался сделать из нее великосветскую матрону. Правда, она еще не знала, чего добивается от нее Ян Дуглас, но было совершенно ясно, что ему не нравились ее поведение и образ жизни.

Но больше всего ей досаждало то, что она непонятно почему хотела, чтобы Ян одобрил ее поступки, признал ее достоинства личности, а не просто признал как достоинства ее тела – этого было очень легко добиться. Ей очень хотелось понравиться ему, хотя она понимала, что это глупо и бессмысленно. Женская интуиция подсказывала ей, что где-то в глубине души она нравится ему, а он – ей. Дело было даже не в том, что у него было прекрасное тело и лицо, хотя она не могла припомнить случая, чтобы мужчина показался ей столь красивым. Ее привлекало в Яне что-то другое, что-то невыразимо глубокое, к чему она всегда подсознательно стремилась.

– Какая же я дура, – пробормотала она в темноте. – Ведь это же его работа. Он просто обязан быть строгим к подобным вещам, обязан демонстрировать свое духовное превосходство и вразумлять тех, кто, по его мнению, ведет неправедную жизнь. Она уснула с мыслью о том, что он просто пытается манипулировать ею, зная несовершенство ее духа, хотя и не была до конца уверенной в том, что полностью поняла его намерения.

На следующее утро Шей подошла к двери кухни и остановилась, услышав веселую болтовню находящихся там людей и позвякивание посуды, которую готовили к завтраку.

На какое-то мгновение ее охватили злость и чувство разочарования. Почему она согласилась приехать сюда и так бессмысленно потратить свои драгоценные выходные? Эти три человека прекрасно обходились без нее. Всю ночь ее преследовали кошмары, причем не только во сне, но и тогда, когда ее мучила бессонница. И во всем этом она обвиняла Яна Дугласа.

Но пришедшая ей в голову мысль резко изменила ее настроение. В глазах блеснуло озорство, а губы растянулись в хитрой улыбке. «Черта с два», – подумала она с привычным упрямством. Она не позволит этому зануде испортить себе выходные. Вчера он имел дело с непокорной и задиристой женщиной, агрессивно защищающей свое достоинство. Но сегодня все будет по-другому. Он увидит перед собой мягкую и деликатную сводную сестру, совершенно непохожую на ту, с которой познакомился вчера. Пусть поломают голову над столь внезапной переменой!

– Всем доброе утро! – весело произнесла она, когда решительно ворвалась на кухню. Она подошла к матери и поцеловала ее в щеку.

– Доброе утро, дорогая, – так же беззаботно и весело ответила мать. – Ты хорошо спала?

– Да, как убитая, – солгала Шей и, наклонившись над Джоном, поцеловала его в лоб. – Доброе утро, Джон.

– Шей, ты сегодня прекрасно выглядишь.

– Благодарю, – сказала она.

Пока она приветствовала мать и Джона, она старалась не смотреть на Яна. Но теперь ей пришлось повернуться к нему. Он выглядел более привлекательным, более красивым и сексуальным, чем может позволить себе человек его профессии. Она взяла себя в руки, подошла к нему, с деланой небрежностью положила руки ему на плечи, наклонилась и поцеловала его в губы:

– Доброе утро, братишка.

Как будто удар электрическим током поразил все клетки ее организма в момент. Возникшее чувство не имело ничего общего с ритуальной любовью сестры к брату. Она даже кончиками пальцев ощущала его мужскую силу. Все ее тело напряглось от желания, и она понимала, что его не обманет та детская игра, которую она затеяла. Но все-таки она надеялась, что в этот момент, когда их губы соприкоснулись, он испытал те же чувства, что и она.

Но когда она выпрямилась, он медленно вытянул вперед ноги; даже его поза говорила с полной очевидностью о равнодушии.

– Доброе утро, сестра.

Шей покраснела. Все добрые намерения, которые пришли ей в голову, когда она стояла перед дверью на кухню, сразу улетучились.

– А почему ты не пошел на утреннюю молитву или что-нибудь в этом роде? – довольно резко спросила она. – Разве священники могут уклоняться от своих непосредственных обязанностей?

Сказав это, она повернулась и направилась к плите, шлепая по полу комнатными тапочками. При этом она не могла не услышать тяжелый вздох матери.

– Я уже произнес свою утреннюю молитву, – спокойным голосом ответил Ян.

– Надеюсь, что ты помолился также и за меня, – едко заметила она, одарив его фальшивой улыбкой. Она плеснула кофе в свою чашку.

– Если говорить откровенно, – начал он, – то большую часть своей молитвы я посвятил именно тебе.

Шей осторожно поставила кофейник на плиту, стараясь не пролить на себя его содержимое.

– Я не просила тебя...

– У нас с Джоном появилась в высшей степени замечательная идея, – вмешалась в их «беседу» Селия, стараясь не допустить нарастания напряженности между молодыми людьми. – Почему бы нам не поиграть немного в теннис, пока не наступила жара?

– Теннис? – удивленно спросила Шей, сразу забыв о своем конфликте с Яном. Она и представить себе не могла, что ее мать может заниматься чем-то, что требует большого расхода энергии. – Ты научилась играть в теннис?

– Джон учит меня этой игре, – сказала она, скромно потупившись, затем подняла голову и посмотрела на мужа любящими глазами. – Разумеется, я еще не очень хорошо играю, но...

– Она делает большие успехи и с каждым днем играет все лучше, – гордо заметил Джон, заканчивая слова жены. – Ну, что вы думаете об этом предложении, ребята? Вы согласны сыграть два на два?

– Ты не забыла взять с собой ракетку и теннисный костюм, Шей? – заботливо поинтересовалась Селия.

– Нет, не забыла, – сказала Шей, – но, когда я собиралась к вам, я и представить себе не могла, что мы будем играть в теннис.

– Великолепно! – воскликнула Селия, громко хлопая в ладоши, как малое дитя.

– Не знаю, что и сказать, – задумчиво произнесла Шей.

– Может, Шей стесняется того, что не очень хорошо играет в теннис, – предположил Ян. – Если она не хочет играть два на два, то, может, вы...

– Я неплохо играю, к твоему сведению, – сердитым голосом сказала Шей, бесцеремонно обрывая его на полуслове. Их глаза встретились в молчаливом поединке. Она прекрасно понимала, что он увидел в ее глазах раздражение и злость. Его же взгляд выражал совершенно противоположные чувства: спокойствие, какую-то детскую наивность и непосредственность. Но она расценила это как проявление превосходства и победы над ее несдержанностью. Да, подумала она, с этим человеком нелегко будет справиться.

– Мужчины, идите переодеваться, а мы с Шей быстренько уберем со стола, – сказала Селия, поднимаясь со стула. – Шей, я знаю, что ты обычно не завтракаешь, но, может, ты все-таки попробуешь эти чудесные пирожные с брусникой?

– Спасибо, мама, но я не хочу. С меня достаточно кофе.

– Но ты совсем исхудала.

– Селия, оставь, пожалуйста, девочку в покое, – вмешался Джон, окидывая быстрым взглядом хрупкую фигуру Шей. – Сейчас очень модно быть тонкой и изящной.

– В таком случае, может, и мне стоит немного похудеть, чтобы моя фигура была более привлекательной для тебя? – предложила Селия, хитро поглядывая на мужа.

Джон притянул жену к себе, обнял и уткнулся носом в ее шею:

– Мне нравится твоя фигура такой, какая она есть.

Шей улыбнулась, наблюдая за этой милой сценой, но при этом ее терзали совершенно другие чувства. Она гневно блеснула глазами, когда Ян повернулся и с полным безразличием вышел из кухни. Все по достоинству оценили ее фигуру, а он даже не посмотрел в ее сторону.

Джон был абсолютно прав относительно фигуры матери. В теннисной юбке она выглядела как распутившаяся роза. Она была, мягко выражаясь, слегка полновата. Правда, ее ноги были все еще сильными и упругими для женщины ее возраста, но по сравнению с ногами Шей казались короткими и полными.

Муниципальные теннисные корты, где им предстояло играть, были вполне сносными, хотя и не такими ровными и ухоженными, как корты в аристократических загородных клубах.

После небольшой разминки они стали играть два на два. Шей и Ян оказались партнерами и внимательно следили друг за другом. Ян играл неплохо, но как-то рутинно. Все его подачи и удары были будничными. И вообще игра отнюдь не была захватывающим зрелищем. Джон терпеливо поучал Селию, заботясь не о том, чтобы выиграть, а скорее о том, чтобы его партнерша не выбилась из сил и получила удовольствие от игры. Шей чувствовала себя превосходно, понимая, что играет лучше других. Она играла легко, фактически не прилагая больших усилий. Ее очень удивило, что Ян похвалил ее, когда она сделала совершенно обычную, ничем не выдающуюся подачу.

– Хороший удар, – лаконично прокомментировал он.

– Благодарю, – снисходительно ответила она.

Они старались смотреть друг на друга только в тех случаях, когда этого требовали обстоятельства. Было совершенно очевидно, что Ян не обращает на нее абсолютно никакого внимания, и ей было чертовски неприятно обнаружить в себе чувство, какое испытывает комплексующий подросток, восхищающийся совершенными формами своего партнера. Правда, надо сказать, что теннисная форма действительно подчеркивала достоинства его великолепной фигуры.

И то, что он даже не смотрит в ее сторону, раздражало ее больше всего, так как она осознавала, что в теннисной форме выглядит очень привлекательной. Ее стройная фигура казалась ей совершенно неотразимой. Коротенькая юбка лишь слегка прикрывала округлые бедра,

а майка плотно обтягивала крепкую грудь. Когда она делала резкие движения, юбка взлетала вверх, открывая тугие ягодицы, прикрытые красными трусиками.

Как жаль, думала Шей, что этот черствый, занудливый человек не обращает на нее никакого внимания. Это было очень грустно и сводило на нет все те положительные эмоции, которые она испытывала в игре.

Они еще не закончили полный матч, как Селия, вытерев платком вспотевшее лицо, заявила, что с нее достаточно.

– Почему бы нам не отправиться на рынок и не купить там хорошего мяса, пока дети будут играть? – предложила она мужу.

– Неплохая идея, – поддержал ее Джон.

Шей кивнула головой. Она решила, оставшись наедине с Яном, доказать свое превосходство в игре. Она была полна сил и ощущала, что находится в превосходной форме.

– Мы вернемся примерно через полчаса, – сказал им Джон, подталкивая жену к машине.

– Ты не хочешь отдохнуть немного, прежде чем мы начнем игру? – спросил ее Ян, когда машина родителей скрылась из виду.

– Нет, я в этом не нуждаюсь, но если ты настаиваешь, то я с удовольствием подожду, – ответила Шей.

– Я готов, – решительно сказал он и без промедления пошел на ту сторону корта, где солнце светило ему в спину. – Можешь подавать, – великодушно предложил он.

– Большое спасибо, – с подчеркнутой вежливостью произнесла Шей, не отказав себе в удовольствии продемонстрировать сарказм.

Она взяла в руку несколько мячей и направилась на линию подачи. Там она небрежно взмахнула ракеткой и послала мяч на его сторону. Не успела она добежать до передней линии, как мяч, мгновенно отлетевший от его ракетки, плюхнулся далеко позади нее. Она не ожидала такой быстрой реакции и хотела было выругаться от досады.

– Он упал на поле или за его пределами? – с наигранной веселостью спросила она, чувствуя, что вопрос прозвучал довольно глупо.

– На поле, – без тени сомнения сказал он.

– Мне тоже так показалось.

Она плотно сжала губы и приготовилась к следующей подаче. Она вложила всю свою силу в эту подачу. Мяч пулей пролетел над сеткой, но тут же был отбит Яном и мгновенно вернулся назад. Все произошло настолько быстро, что она не успела среагировать и не добежала двух-трех метров, чтобы отразить удар.

Ян отражал все ее подачи так быстро и легко, что она просто растерялась. Почему же он был таким вялым в предыдущей игре? Опять очко проиграно! Может, он просто скрывал от нее, что прекрасно владеет ракеткой? Однако ничего не поделаешь, надо играть до конца. Она должна сосредоточиться, собраться с силами и сделать все возможное, чтобы не совсем упасть в глазах превосходящего противника.

Ее подачи были очень неплохими, но счет был явно не в пользу Шей. Она выиграла лишь одно очко, да и то только потому, что, как она могла догадаться, Ян поддался ей. Она внимательно следила за ним и по его приподнятым бровям поняла: он знает, что делает, и намерен выиграть у нее эту партию. Он, можно сказать, подарил это одно-единственное очко, но скорее для того, чтобы еще больше разозлить ее, а не подбодрить.

– Моя подача, – напомнил он ей, когда она вчистую проиграла свою игру.

– Я прекрасно знаю об этом! – с нескрываемой злостью выкрикнула она.

Его снисходительная улыбка была широкой, щедрой и обезоруживающей. Как ей хотелось в эту минуту сделать что-то такое, чтобы эта улыбка исчезла с его губ.

– Похоже на то, что ты проигрываешь? – дразнящим голосом сказал он.

– Подавай этот чертов мяч.

Он равнодушно пожал плечами, не обратив внимания на ее чертыханье.

– Хорошо.

Она так и не увидела, как летел мяч. Она видела все: его поднятую вверх руку, запрокинутое лицо, она видела, как он приподнялся на цыпочках, видела напряжение мускулов его тела и даже удар по мячу, который он нанес молниеносно. Но самого мяча она не увидела. Она только почувствовала, как он ударил ее и отскочил в сторону.

– Пятнадцать, – спокойным голосом объявил он.

Ей было бы лучше, если бы он заорал от радости. Но он сказал это спокойно, как будто никогда не сомневался в своей победе.

Следующая победа была такой же сильной и такой же быстрой, как предыдущая. Она не оставила ей никакой надежды на успех.

– Ты подаешь слишком сильно! – закричала она.

– Нет, все дело в том, что ты не следишь за мячом, – поучительным тоном сказал он. – Тебе следует быть более внимательной.

– Я не вижу мяча, – пробормотала она, приготовившись к приему подачи.

– Что ты сказала? – вежливо осведомился он, задержав подачу мяча.

– Ничего. Подавай.

В следующую секунду мяч просвистел рядом с ее головой.

– Черт возьми! – крикнула она снова. – Ты подаешь слишком сильно! Эта штука может меня убить!

– Да нет же, ты просто расстроилась из-за того, что проигрываешь, – пояснил он. – Может быть, прекратим игру?

– Нет, – возразила она. – Но не надо превращать меня в мишень. Подавай полегче.

По выражению его лица она прекрасно поняла, что следующая подача будет еще более сильной, чем все предыдущие. Охваченная гневом, Шей бросила ракетку на землю:

– Я не хочу больше играть с потенциальным убийцей.

Но Ян уже не мог остановить мяч. Он просвистел над сеткой и с огромной силой врезался в успевшую повернуться Шей.

Она громко вскрикнула и согнулась в три погибели, вытирая рукой выступившие слезы. От острого приступа боли ее даже затошнило, а перед глазами поплыли темные круги. Боль, голод, обида – все смешалось в ее сознании. И она рухнула на горячий асфальт.

3

– Я очень сожалею. Прости меня, Шей. Пожалуйста, прости. Я не хотел причинить тебе боль.

Его слова были мягкими, нежными, они ласкали ее слух. Они падали на нее, как капли дождя, освежая ее память и приводя ее в сознание.

Нет, еще рано открывать глаза, подумала Шей. Ей так хотелось продлить это мгновение, так хотелось, чтобы он продолжал утешать ее, успокаивать, просить прощения. Ей было так приятно ощущать на себе каменную мощь его груди, его жаркое дыхание. Его лицо находилось совсем близко, она чувствовала это всеми порами своего тела. Он наклонился к ней и прижался носом к ее щеке. Она вдохнула его мужской запах, смешанный с запахом одеколона. Этот запах, его рука, нежно гладившая ее волосы, – все это привело ее в чувство. Она впервые в жизни поняла, как приятно быть беспомощной и незащищенной.

– Мне так жаль, – продолжал повторять он. – Прости меня.

Они сидели на траве, которая приятно щекотала ее голые ноги. Должно быть, он отнес ее в сторону на руках и положил на эту мягкую и очень нежную траву. Как это замечательно – опираться на сильные мужские руки. Она была готова остаться в таком положении навсегда – слушать его мелодичный голос и ощущать крепкие руки, заботливо поглаживающие ее волосы. Его голос слегка вибрировал и пронизывал все ее существо, до кончиков ногтей, а его руки...

Шей вдруг ощутила его руку. Не ту, которая поглаживала ее по голове, а другую. Она находилась намного ниже головы. Рука опустилась к тому самому месту, где заканчивалась ее коротенькая юбка и начиналась кружевная оборочка красных трусиков. Он сжал руку, а затем разжал ее и начал нежно гладить ту часть тела, куда попал мяч. И все это время он, не переставая, повторял слова сожаления о том, что причинил ей боль сильным ударом.

Она медленно подняла руку и провела по его груди, наткнувшись на нагрудный карман спортивной майки. Она почувствовала, как мышцы его груди напряглись и застыли под ее рукой. Шей медленно подняла веки и посмотрела ему прямо в глаза. Его лицо было всего в десятке сантиметров от ее собственного.

Ян облегченно вздохнул и закрыл глаза, тихо прошептав слова молитвы.

– С тобой все в порядке? – спросил он наконец.

Она молча кивнула головой, охваченная волнением от его близости и жаркого дыхания, которое ощущала на своем лице:

– Да.

– Шей, пожалуйста, прости меня. Мне очень жаль, что все так случилось. Я не хотел сделать тебе больно.

– Я знаю, – тихо сказала она.

Почему она так легко и охотно простила его? Ей следовало бы накричать на него, яростно ругаться от злости. А вместо этого она сидит на траве и великодушно прощает его. Но она прекрасно понимала, почему это делает. Если она устроит ему скандал, все кончится. Ей придется оттолкнуть его от себя, и он, в свою очередь, не будет смотреть на нее с такой нежностью и сочувствием, не будет гладить ее волосы, не будет так горячо дышать ей в лицо, а его другая рука не будет так нежно и ласково поглаживать то место, которое до сих пор ныло от удара мячом.

Ян тем временем продолжал извиняться, не находя оснований, чтобы простить себя за этот глупый поступок.

– Я совершенно не заметил, что ты повернулась ко мне спиной. В этот момент я подавал мяч и следил только за ним. – Он замолчал и прикоснулся рукой к ее щеке. – Мне очень жаль. Я ни за что на свете не причинил бы тебе боль преднамеренно.

– Признайся, что хотел покрасоваться передо мной, – мягко сказала она с хитрой улыбкой на губах.

– Да, признаюсь, – ответил он виновато. – Я действительно хотел повыпендриваться и показать свое умение играть в теннис.

Он улыбнулся и посмотрел ей в глаза, заставив ее покраснеть от смущения. Шей почувствовала, что ее охватывает страстный трепет, о котором она уже почти забыла. Последний раз она испытывала его, когда была замужем. Сердце бешено колотилось в груди, а грудь высоко вздымалась от учащенного дыхания. Неужели к ней вернулось это приятное чувство новизны в отношениях с мужчиной? Что это – результат злосчастного удара мячом или нечто более серьезное и более важное? Его лицо прекрасно, если так можно сказать о волевом мужском лице. На фоне голубого летнего неба его волосы казались еще темнее, а глаза были такими голубыми, как это небо. Его темные брови почти сомкнулись на переносице, что свидетельствовало о крайней озабоченности и раскаянии. Шей посмотрела на его нос. Он был прямым, превосходной формы и представлял собой своеобразный мост, соединяющий глаза с чувственными губами. Интересно, подумала Шей, как могут женщины его прихода сконцентрироваться на словах проповеди, которые покидают эти восхитительные губы?

Ушибленное мячом место продолжало болеть, хотя Ян пытался ослабить боль легким поглаживанием руки. Она сообразила, что ее голая спина оказалась на его бедре. Приподняв одно колено, чтобы поддержать ее спину, он прижался к ней бедром, и она почувствовала его теплую кожу. Волосы, густо покрывавшие его ноги, приятно щекотали ее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.